

ОБ АНАТОЛИИ ЯКОБСОНЕ И ЕГО ПЕРЕВОДАХ ИЗ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

МАГДА ДЖАНПОЛАДЯН

В феврале прошлого, 2018 года обратился ко мне с письмом Александр Зарецкий, редактор Мемориальной Сетевой страницы Анатолия Якобсона. В письме содержалась просьба: помочь выяснить вопрос о том, кто является переводчиком стихотворения Ованеса Туманяна «Впечатления» – А. Якобсон или Н. Гребнев. Вопрос возник потому, что в оглавлении сборника поэзии Ов. Туманяна «Избранное» (М., «Художественная литература», 1988), который был составлен и прокомментирован мною, переводчиком этого стихотворения был назван А. Якобсон, а в издании русского трехтомника Туманяна (т.1, Ереван, «Айастан», 1969) указано имя Н. Гребнева. Я ответила, что переводчиком стихотворения «Впечатления» является Наум Гребнев, что в оглавлении «Избранного» 1988 года не по моей вине допущена ошибка (технической стороной, в частности оглавлением я не занималась). Поблагодарив за разъяснение, Александр Наумович сообщил мне, что эти сведения были ему необходимы для готовящейся к изданию в Бостоне (США) книги переводов Анатолия Якобсона, приуроченной к 40-летию его трагической гибели. В процессе работы у А. Зарецкого как одного из составителей книги возникали еще кое-какие вопросы (в частности, о публикации переводов А.Якобсона из Туманяна в журнале «Литературная Армения» за 1969 год – год 100-летия поэта), на которые я отвечала. Так завязалась у нас переписка. А когда книга переводов Якобсона увидела свет, Александр Зарецкий прислал ее мне.

Книга «Свободное дыхание печали»¹ стала для меня открытием личности и судьбы Анатолия Якобсона, имя которого, признаюсь, до этого было лишь именем одного из переводчиков Ованеса Туманяна. Еще я помнила это имя по редактировавшейся мною книге Левона Мкртчяна о Марии Петровых «Так назначено судьбой» (Ереван, 2000), в которой помещены и письма М. Петровых автору: в них она несколько раз

¹ «Свободное дыхание печали. Поэзия в переводах Анатолия Якобсона». Составители Александр Зарецкий, Василий Емельянов, Георгий Ефремов, Майя Улановская. Бостон, 2018. При ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

упоминает имя А. Якобсона. Причем в этих строках прочитывается не только сугубо профессиональное, но и чисто человеческое отношение к нему Марии Сергеевны – очень теплое, сердечное². И только из «Свободного дыхания печали» я узнала, что Якобсон был учеником Марии Петровых: «Мастерство поэтического перевода, – отмечают составители, – А. Якобсон перенял у выдающихся поэтов XX века – Марии Петровых и Давида Самойлова» (с. 7). Об этом же пишет в своей статье «Русская поэзия была его пристанищем на земле» Анатолий Гелескул: «Как-то он (Якобсон – М.Д.) заговорил о переводческом семинаре, куда ходил не один год, и сказал о своих учителях:

– Они внушили главное: «Пиши как можешь – переводы лучше, чем можешь».

Учителя у него и вправду были на зависть: Мария Петровых и Давид Самойлов – любимые поэты, близкие люди, почти родные, и в прямом смысле учителя (вели упомянутый семинар)» (с. 18-19).

Хотя в самом названии книги «Свободное дыхание печали» указано: «Поэзия в переводах Анатолия Якобсона», ее содержание отнюдь не ограничивается публикацией его переводов. Книга примечательна и значительна тем, что вмещает в себя самые разные материалы: статьи о Якобсоне, посвященные ему стихотворения М. Фрейдкина и Д.Самойлова, воспоминания о нем; здесь же читатель найдет отрывки из дневников и писем самого Якобсона, в которых есть строки, особенно наглядно раскрывающие причины его трагического ухода из жизни; письма близких и родных ему людей (письмо первой жены Якобсона Майи Улановской к Юне Вертман); немало информации можно почерпнуть из предисловия к книге – «От составителей» и «Послесловия»; из «Комментариев». Все это помогает читателю вобрать в себя такие разные черты ярчайшей личности Анатолия Якобсона и воспринять их в целостности. Ознакомление с этой книгой несколько сместило обычные для исследователя переводов акценты: не менее важным показались мне не только анализ и оценка переводов А. Якобсона нескольких стихотворений Ованеса Туманяна, но и необходимость представить читателю – пусть хотя бы вкратце – **Анатолия Якобсона как личность.**

Анатолий Александрович Якобсон (1935-1978), прожив всего 43 года, оставил свой немеркнущий след на этой земле. В нем сочетались различные способности и интересы: боксер, учитель, переводчик, литературовед и критик, публицист, общественный деятель... Окончив исторический факультет Московского государственного педагогического института, он преподавал историю, литературу и русский язык в

² См., к примеру, строки из писем М. Петровых Л. Мкртчяну на с. 144, 149, 152, где она беспокоится о том, чтобы Якобсону выслали за переводы гонорар, пишет о его здоровье, о перенесенных им операциях.

известной московской Второй математической школе. «Ученики до сих пор помнят и чтят замечательного преподавателя, – читаем в предисловии, – человека редкой естественности, порядочности и образованности» (с. 8). В той же школе он выступал с публичными лекциями о русских поэтах начала 20-го столетия. «Эти лекции, – отмечено в «Комментариях», – были значительным культурным событием не только для его слушателей-учащихся, но и для московской интеллигенции: школьный актовый зал с трудом вмещал всех желающих. На их основе возникли книги и очерки-эссе «Конец трагедии» (о поэзии Александра Блока – М. Д.), «Царственное слово», «О романтической идеологии» (с. 240).

С 1965 года Яковсон стал участвовать в правозащитном движении. Будучи другом Юлия Даниэля, он не остался в стороне, когда над Андреем Синявским и Ю. Даниэлем начался судебный процесс. Яковсон хотел быть общественным защитником Даниэля на суде, но получил отказ. В последующие годы он продолжал публиковать свои статьи и обращения в самиздате, участвовал в различных акциях и демонстрациях, отстаивая права человека в СССР. Чтобы своей диссидентской деятельностью не создавать серьезных проблем для коллектива, в котором он работал, Яковсон с 1968 года оставляет преподавание в школе, зарабатывая на жизнь частными уроками и переводами. С 1969 года он принимает активное участие в издании бюллетеня «Хроника текущих событий» как один из составителей и редакторов. Это издание охарактеризовано в аннотации «Свободного дыхания печали» как «летопись политических репрессий и общественной борьбы в СССР, которую власти так и не смогли подавить и растоптать» (с. 265). Деятельность Яковсона как правозащитника была настолько яркой и смелой, что, как отмечено в «Комментариях» к книге, «в феврале 1978 академик Сахаров выдвинул 8 правозащитников и среди них Анатолия Яковсона на Нобелевскую премию мира» (с. 242). Из этих же «Комментариев» читатель узнает, что с конца 1972 года Яковсону стали угрожать арестом, если он не покинет СССР. Выпуск «Хроники...» был приостановлен. В сентябре 1973 г. Яковсон с семьей эмигрировал в Израиль (см. с. 241-242).

Понимая, насколько трудно было Яковсону решиться на этот жизненный шаг, близкие люди старались утешить его, поддержать, подбодрить. На Мемориальной странице Анатолия Яковсона опубликован черновик письма к нему Марии Петровых перед самым его отъездом из страны: «Вы покидаете родину, – писала она, – едете на чужбину безвозвратно. Ну что ж... Больше всего любя Россию, Бунин, писатель, за границей работал еще горячее, еще сильнее, чем на родине, – и все, что писал, – о родине. Внутреннего разрыва не было. Так будет и у Вас. ...Бред и безумие, но что делать, что делать! **Никак, нисколько, ни минуты** не осуждала и не осуждаю Вас, только осознать очень трудно, дитя мое. Куда

бы Вы ни поехали – **Вы – носитель русской культуры.** Это – прежде всего». А заканчивается письмо так: «**Останьтесь верны Родине,** где бы Вы ни находились. Вы такой же русский, как Левитан, как Пастернак и Ахматова. Нет родины у Вас, кроме России. Но и на чужбине можно жить достойно и плодотворно и служить родине своей. Живите **в полную силу**»³ (выделено автором – М.Д).

Нельзя сказать, что, оказавшись в другой стране, Анатолий Якобсон должен был начинать жизнь с нуля. Нет, он продолжал заниматься любимым делом, работал в Иерусалимском университете в Центре славистики, публиковал литературоведческие статьи, защитил диссертацию о характерных особенностях поэм Ал. Блока и Б. Пастернака, руководил Иерусалимским филологическим семинаром (см. с. 242). Но всего этого, увы, оказалось ему недостаточно для ощущения внутренней гармонии, чувства полноты и радости жизни. Душевное состояние покинувшего родину А. Якобсона отражено в отрывках из его дневников, опубликованных в «Свободном дыхании печали». Вот несколько фрагментов из записей от июля, а также августа-сентября 1974 года, т.е. почти года или уже года жизни в эмиграции:

«Чтобы я стал русским писателем, судьбе потребовалось швырнуть меня в Израиль...» (с. 211);

«Не русский язык – моя часть, а я – часть русского языка» (с. 212);

«Сердце мое – в России и Израиле. Но душа моя – только в России» (с. 212);

«Израиль – прекрасная чужбина» (с. 214);

«Я, быть может, научусь любить Израиль, как жизнь, ибо у меня есть родина, ибо я знаю, ч т о т а к о е родина, ибо Россию я люблю несравненно сильнее жизни» (с. 214).

Эти последние строки явственно разъясняют причину и глубокой депрессии Анатолия Якобсона, в которую он впал по приезде в Израиль и от которой долгое время лечился в больнице, и причину его трагического ухода из жизни – самоубийства. Эмиграции ведь тоже бывают разными. Можно, эмигрируя, время от времени возвращаться на родину, утолять ностальгию и снова уезжать. И так жить. Но Якобсон прекрасно понимал, что, продолжая жить, он больше никогда не увидит свою родину. А Россию он любил **«несравненно сильнее жизни»**. И решил расстаться с жизнью, если ему не суждено уже увидеть его Россию...

Анатолий Якобсон прожил в Иерусалиме 5 лет (он покончил с собой 28 сентября 1978 года). Но, заметим, к такому решению он пришел не внезапно, не незадолго до свершения этого трагического шага. Подобные

³ На Мемориальной Сетевой Странице (МСС) А. Якобсона - <http://www.antho.net/library/yacobson/index.html>. - указан источник: **Петровых М.** Избранное. М., «Худ. лит.», 1991, с.354.

мысли, как это становится ясно из черновика его письма Юлию Даниэлю (см. с.219-221), стали мучить его уже спустя несколько месяцев после отъезда из СССР. Письмо датировано концом мая 1974 года. «Не мне говорить тебе, – пишет Якобсон, – чем жив заключенный – ожиданием конца срока. Пожизненное заключение далеко не всякий предпочтет смерти. Сейчас я хочу именно описать тебе свое состояние, имея при этом определенную цель. Уезжая, я чувствовал, что совершаю почти самоубийство. Оказалось, что без всяких *почти*» (с. 219). И далее говорит о своей безысходности: «Все вокруг хором: возьми себя в руки! Но я только и делаю, что с утра до ночи беру себя в руки, чтобы не наложить на себя руки» (с. 219-220). Он делится с другом: «...Потерю людской – моей – среды я ощущал одновременно с утратой среды в самом широком биологическом смысле слова. Не дай Бог ...узнать, что это такое, когда хлеб – не хлеб, вода – не вода, земля – не земля, воздух – не воздух. Израиль, собственно, здесь ни при чем, так было бы в любой загранице, попади я туда без надежды на возвращение» (с. 221).

После ухода Анатолия Якобсона из жизни не забыто оставленное им на этой земле – его преподавательская работа, поэтические переводы, его смелая, самоотверженная деятельность гражданина и публициста. Его родные и близкие, друзья и ученики бережно хранят память о нем: «...Мы все это время неразлучны с его душой и образом, – сказано в «Послесловии», – никуда не уходит волнение об этой замечательной, краткой и трагичной судьбе» (с. 237). И реальным подтверждением этого являются посмертные издания – и наследия Анатолия Якобсона, и воспоминаний о нем... В 1992 г. вышла в свет книга Якобсона «Почва и судьба» (Вильнюс-Москва, изд-во «Весть»), в 2010 году – книга «Памяти Анатолия Якобсона»... О содержании книги «Свободное дыхание печали» (2018) уже говорилось; в ней помещены разные материалы, но главное, что это издание – **«первое полное собрание поэтических переводов Анатолия Якобсона»** (с. 266). Обратимся поэтому к переводческой деятельности Якобсона и в основном – к его переводам из Ованеса Туманяна.

* * *

В разделе «Из дневников» «Свободного дыхания печали» приводится такая запись Якобсона из тетради № 3 (август-сентябрь 1974г.):

«Самойлов, Петровых, Тарковский,
Гелескул» (с. 214).

Что значили для Анатолия Якобсона эти имена? Думается, они были для него своеобразным эталоном подхода к творчеству, в том числе и переводческому; мерилom высокой самоотдачи и мастерства в воссоз-

дании чьих-то поэтических строк. И еще, как мне представляется, мерилом нравственности – честности и неподкупности, что для Яковсона было отнюдь не маловажно. О роли Самойлова и Петровых в творческой жизни и судьбе Яковсона уже говорилось. Об Арсении Тарковском, кроме упоминания его имени в данной дневниковой записи, больше нет никаких высказываний, но понятно, что он как поэт, переводчик и личность гармонически вписывается в ряд названных Яковсоном имен. Вспомним хотя бы заключительные строки стихотворения Давида Самойлова, посвященного Тарковскому:

*...Среди усопших и живых
Из трех последних поколений
Ты и Мария Петровых
Убереглись от искушений
И в тайне вырастили стих.⁴*

Что касается Анатолия Гелескула, то сохранилась такая запись о нем в дневниках Яковсона (тетрадь 1, июль 1974 г.): «Может быть, когда-нибудь напишу о переводах Толи (Гелескула)? Трудно. Вряд ли. Не как о переводах, а как о стихах просто. **Книга переводов моих посвящается Гелескулу**» (с. 211, выделено мной – М. Д.). И этим посвящением – Анатолию Гелескулу – открывается книга «Свободное дыхание печали». Замечу, что А. Гелескула как переводчика очень высоко ценила и сама Мария Петровых. Примечательны ее строки из письма Левону Мкртчяну от 20 августа 1969 года, где она интересуется, в какой стадии находится работа над русским изданием поэзии Амо Сагияна, и пишет: «В дальнейшем, если только Сагиян этого пожелает, я буду переводить его много и постараюсь привлечь к этой работе Анатолия Михайловича Гелескула – лучшего в Советском Союзе поэта-переводчика»⁵. Так что четыре названных Яковсоном имени – это для него символ и воплощение того идеала, к которому он стремился. В свете сказанного возникает и такой вопрос: а как ценили переводческий талант Яковсона его учителя – «в прямом смысле», как заметил Гелескул, т.е. руководители переводческого семинара, и не в прямом, т.е. переводчики, которых он также назвал в своей дневниковой записи? Анатолий Гелескул написал о Яковсоне прекрасную статью «Русская поэзия была его пристанищем на земле». Автор рассказывает, что встретились они в начале 60-х «и не раз потом работали рука об руку в одних книгах» (с.18). Яковсон переводил с подстрочников и, как вспоминает Гелескул, «обходил с ними добрый десяток друзей и знакомых, из числа знавших язык. ...Я оказывался обычно в конце этой очереди и видел уже не подстрочник, а какой-то

⁴ Самойлов Д. Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., «Худ. лит.», 1989, с. 398.

⁵ Мкртчян Л. Так назначено судьбой (Заметки и воспоминания о Марии Петровых. Письма Марии Петровых). Ер. 2000, с. 148.

ветхий манускрипт... Всё было исчеркано то мелким, то крупным, то гигантским почерком, испещрено кружками, стрелками, какими-то средневековыми нотными знаками – не то партитура, не то криптограмма. Как он в этом разбирался – Бог весть. Подозреваю, что никак; к тому времени, когда подстрочник становился окончательно невнятным, всё уже было в голове...» (с.20). Вот еще ценное наблюдение Гелескула о Якобсоне как переводчике и личности: «Переводческая вершина Якобсона – сонеты, и здесь у него мало соперников. Это знаменательно. Стиховая структура и техника бесспорны, но в самом обращении к сонету сказалась **скрытая черта его натуры – внутренняя собранность. ...Он вообще любил ясность, логику и даже в обыденной речи был афористичен**» (с.21, выделено мной – М.Д.). Гелескул отмечает также естественное звучание переводов Якобсона, их музыкальность, «вольное дыхание». «Как удавалось Якобсону, не зная языка, слышать подлинник – для меня загадка» (с.23), – пишет он.

А вот слова о Якобсоне Марии Петровых, очевидно, сказанные еще в самом начале переводческого пути ее ученика: «Толя переводит превосходно. Надо, необходимо помочь ему – сделать, чтобы эта работа стала в его жизни главной. Он будет великолепным переводчиком. Всё, что он сейчас делает, – выше всяких похвал. Победно преодолевает трудности, казалось бы, непреодолимые...

Толя больше всего на свете любит литературу, больше себя, больше всего. О многих ли из литераторов именитых можно это сказать?» (с. 10).

Это мнение Марии Петровых о Якобсоне приобретает особую значимость, если учесть, что она как переводчик и редактор переводных изданий была отнюдь не щедра на похвалы. Вот что пишет Яков Хелемский о М. Петровых как редакторе его переводов: «Замечания ее по рукописи, как правило, были снайперски точны, малейшую небрежность, минимальный огрех она обнаруживала мгновенно. И умела настоять на своем. Чаще всего приходилось с ней соглашаться»⁶. А вот оценка Льва Озерова: «Редактором она была строгим, внимательным, неуступчивым. Кто надеялся на «всё сойдет», не мог с ней иметь дела. Кто хотел в своем искусстве добиться максимальных результатов, тот многое получал от Марии Сергеевны»⁷. И еще – слова Давида Самойлова: «Мария Сергеевна – редактор. Кто-то из переводчиков о ней, доброй и кроткой, выразился: «зверь». По ее редакторской работе я понял ее отношение к переводу: страстное, личное. ...Она болела за каждую строчку, словно сама ее написала. Редактируемые обижались...»⁸.

Впечатляет список книг с переводами Анатолия Якобсона (с.202-203).

⁶ Хелемский Я. Ветви одного ствола. В кн.: Петровых М. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о М. Петровых. Ер., «Советакан грох», 1986, с. 236.

⁷ Озеров Л. Чистый голос. Там же, с. 330.

⁸ Самойлов Д. наброски к портрету. Там же, с. 338.

Самое первое издание отмечено 1960 годом, и почти каждый следующий год – это выход в свет новых книг с его переводами – вплоть до 1974 года. А после были уже посмертные издания. Это переводы с разных языков (Якобсон, как уже отмечалось, переводил по подстрочнику), больше всего – с испанского. Среди переведенных им поэтов – имена Петрарки, Федерико Гарсиа Лорки, Мигеля Эрнандеса, Ованеса Туманяна, Поля Верлена, Адама Мицкевича, Теофиля Готье, Педро Прадо... Даже пробегая глазами страницы переводов Якобсона, можно заметить его особенное внимание к воссозданию поэтической индивидуальности переводимого им автора. Кроме того, для него ясно было одно: **переводы должны быть стихами** (вспомним еще раз его слова о Гелескуле: «Не как о переводах, а как о стихах просто»). И думается, первым редактором и критиком своих переводов был сам Якобсон. То, что он обладал еще даром исследователя художественных текстов, доказывают его лекции, литературно-критические труды. Но он проявил себя и как исследователь поэтического перевода: свидетельство тому – опубликованная в сборнике «Мастерство перевода 1966» его статья «Два решения (Еще раз о 66-м сонете)⁹». Сравнивая два перевода шекспировского сонета, принадлежащие блестящим мастерам – С. Маршаку и Б. Пастернаку, Якобсон отдает предпочтение переводу Пастернака, и доводы его убедительны. Статья эта содержит еще очень важное наблюдение автора о том, что именно, с его точки зрения, является необходимым для создания художественно адекватного перевода: «Когда требуется пересоздать поэзию как таковую, – пишет Якобсон, – все установки, связанные с поэтикой оригинала, представляют собой лишь техническую и второстепенную сторону дела. **А главное здесь – приобщиться тому строю чувств, которым продиктовано оригинальное произведение** (выделено мной – М. Д.). Но тут-то каждый мастер и проявляет свою индивидуальность»¹⁰. Эти слова, на мой взгляд, являются исходными для понимания работы Якобсона-переводчика. А как претворял он этот свой принцип – попробуем рассмотреть на его переводах из Ованеса Туманяна.

* * *

К поэзии Туманяна Анатолий Якобсон обратился в середине 1968 года. В то время в Ереване уже шла напряженная работа по подготовке юбилейного русского трехтомника к 100-летию великого армянского поэта (юбилей отмечался в 1969 году). Первый том отводился поэзии. Его редактором стала (после долгих просьб и уговоров Левона Мкртчяна,

⁹ Статья имеет такой подзаголовок, так как ей предшествует помещенная в том же сборнике еще одна статья о русских переводах 66-го сонета Шекспира. Ее автор – А.Финкель. (См.: «Мастерство перевода 1966». М., «Советский писатель», 1968, с. 161-182).

¹⁰ **Якобсон А.** Два решения (Еще раз о 66-м сонете). Там же, с. 184.

одного из составителей трехтомника) Мария Петровых. Перед составителями (Л. Ахвердян и Л. Мкртчян) стояла очень важная задача: максимально обновить переводы туманяновской поэзии, поскольку русский читатель не мог по имеющимся в основном серым и посредственным переводам (за отдельными редкими исключениями) понять все значение и величие этого поэта¹¹. М. Петровых не только редактировала уже созданные переводы, но и сама привлекала к работе тех переводчиков, кому она доверяла. В письме к Левону Мкртчяну (датировано началом июля 1968 г.) она сообщала ему, какие стихотворения отданы А.Якобсону¹². А в письме, датированном началом декабря 1968 года, Петровых пишет уже о том, что довольна этими переводами: «Якобсон перевел 7 стихотворений превосходно. На будущей неделе я Вам пришлю. (Если Вы получаете «Иностранную литературу», то, вероятно, читали в 11-м номере его прекрасные переводы с испанского)»¹³.

В первом томе юбилейного ереванского трехтомника, вышедшем в свет в 1969 году, помещены переводы А. Якобсона туманяновских стихотворений «Зов», «В горах», «Из псалмов скорби» (два отдельных стихотворения), «Христос в пустыне», «В Кошакаре», «Видение». Все эти стихи до этого переводились на русский язык. Замечу, что в юбилейных изданиях Туманяна, вышедших в свет в 1969 году в Москве и Ленинграде, в основном опубликованы уже имеющиеся переводы. Но их качество, как отмечалось, далеко не всегда удовлетворяло составителей и редакторов ереванского издания.

Прежде чем приступить непосредственно к переводам, хотелось бы отметить черты, сближающие -- через время и расстояния, через эпохи -- эти два имени: Ованес Туманян и Анатолий Якобсон. Туманян был по своему творческому складу поэтом-эпиком. «Я – эпик, – говорил он. – ...В написанном мною я объективен, закрыт: тот, кто понимает, увидит меня. Моего внутреннего мира не знают, он спрятан для многих...»¹⁴. Одна из характерных черт поэзии Туманяна – художественный лаконизм. Постоянно редактируя свои уже изданные тексты, нередко сокращая строки, он всегда стремился к предельной краткости. Дочь поэта Нвард в своей книге об отце «Воспоминания и беседы» приводит его фразу: «Я люблю вычеркивать. Люблю сжатость»¹⁵. У Якобсона в дневниках находим такие записи: «Мой жанр в поэзии (да и в прозе тоже): предельно сжатая речь, стремящаяся к формулам, афоризмам. **Увы, не лирик**» (с. 212, выделено мной – М.Д.). И еще: «Наконец-то речь моя стала точна. Стряхнул с себя все лишнее. И

¹¹ Подробнее об этом см. в нашей статье «К истории создания юбилейного русского трехтомника Туманяна» в кн.: **Джанполадян М.** В мире Туманяна. Ер., 2018, с. 115-129.

¹² **Мкртчян Л.** . Так назначено судьбой. Ер., 2000, с. 123.

¹³ Там же, с. 132.

¹⁴ Цит. по кн.: **Туманян Н.** Воспоминания и беседы. Ер., 1969, с.164 (на арм. яз).

¹⁵ Там же, с. 79.

лишние слова...» (с. 212). Есть и отдельная запись: «Лишние слова» (с.215). Конечно, записи относятся к 1974 году, когда прошло уже несколько лет после работы над поэзией Туманяна, но эти записи – скорее всего итог того ощущения и понимания слова, которое жило в Анатолии Якобсоне всегда. И подобное отношение к слову, роднящее поэта и переводчика, тоже, думается, оставило свою печать на уровне переводных текстов.

Возможно, это чистая случайность, но из семи переведенных Якобсоном туманяновских стихотворений в четырех из них («Зов», два стихотворения под общим названием «Из псалмов скорби», «Христос в пустыне») присутствует образ Всевышнего. Этим образом оттеняются горестные мысли поэта о реальной действительности, о жизни, такой жестокой и несправедливой к людям, в частности, к его народу. Но если эти стихотворения в какой-то степени можно объединить тематически, то нельзя не заметить различия в их интонационном строе, в их тональности. Это как раз то, к чему должен быть особенно внимателен и чуток переводчик.

Стихотворение «Зов» – непосредственное обращение поэта к Богу. Созданное в 1891 году, оно стало особенно популярным. Туманяновед Сусанна Ованесян цитирует отрывок из письма к Туманяну от 8 апреля 1893 г. критика и педагога Григора Ванцяна: «Твой «Зов» везде производит фурор... Если, дорогой Ованес, ты больше ничего не написал бы, этого стихотворения было бы достаточно, чтобы удостоить тебя звания поэта. Да, конечно, у тебя есть немало чудных стихов... Но «Зов» – это вершина, это жемчужина»¹⁶. Действительно, в этом стихотворении выстрадано каждое слово, здесь слились вместе с верой и сомнение, и укор, и недоумение, и даже требование, призыв. В переводе воссозданы эта сила эпического обобщения, напряженная интонация оригинала, короткие строки, словно делающие весомее каждое в них слово, взволнованный ритм – успеть задать Богу все вопросы, которые мучают человека и на которые он не может найти ответа. Приведем заключительную часть стихотворения в подлиннике и переводе Якобсона:

<i>Ինչո՞ւ՝ ի տաղաւային</i>	<i>Почему убийц</i>
<i>Չե՞ս պատժու՞մ չարի՞ն,</i>	<i>Ты не поразил?</i>
<i>Ո՞ւր՞ ի՞նչ է պաղատում,</i>	<i>Или у тебя</i>
<i>Թե՞՞ չե՞նք աղերսում:</i>	<i>Не хватает сил?</i>
<i>Թե՞՞ չարագործի՞ն</i>	<i>Если не твоей</i>
<i>Շո՞ւ չե՞ս տվել անը,</i>	<i>Волею злодей</i>
<i>Որ իշխան հոգի՞ն</i>	<i>Наделен мечом,</i>
<i>Մարտի՞նի իզուր.</i>	<i>Чтоб казнить людей,</i>

¹⁶ Ованесян С. История жизни и творчества Ованеса Туманяна (1900-1912). Научная биография. Ер., 2012, с. 241 (на арм. яз.).

¹⁷ Туманян Ов. ПСС в 10 томах, т. 1. Ер., 1988, с. 86 (на арм. яз). Оригиналы приводятся по первому тому данного академического издания с указанием страниц.

<i>Թէ՞ դու չգիտես,</i>	<i>И не видишь ты</i>
<i>Որ այստեղ, երկրում</i>	<i>В далеке своем</i>
<i>Մարդը ժպտերես</i>	<i>Как со смехом здесь</i>
<i>Մարդ է գիշատում. –</i>	<i>Нас грызут живьем,</i>
<i>Դե արհ՛ում տե՛ս.</i>	<i>Так явись, увидь,</i>
<i>Չարկի՛ր ու շանթի՛ր,</i>	<i>Молнией ударь,</i>
<i>Եթե աստված ես</i>	<i>Если мщенья Бог</i>
<i>Դու վրրեժխնդիր¹⁷:</i>	<i>Ты, небесный царь!¹⁸</i>

В стихотворении «Христос в пустыне», написанном год спустя, меняется интонация, смещены акценты: здесь уже сам Бог отягощен думами о несовершенстве мира. Эта раздумчивая интонация воссоздана в переводе:

*Он сидел на камне, недвижим,
Окружен пустыней нелюдимой.
Голову склонил он, одержим
Думой неотступной и единой.*

Но в следующей строфе можно заметить некоторое смысловое отклонение от оригинала:

*– Для чего я сердце распростер,
И, как ночь слепую, жизнь людскую
Озарил любви моей костер...*

Здесь бог словно сожалеет о том, что озарил жизнь людей своей горячей любовью... Меж тем в подлиннике нет такого сожаления, потому что «распространить свет-любовь в темной пустыне человеческой жизни» (перевод подстрочный – М.Д.) – лишь дума бога, его мечта, желание:

*Նրա ճակատը մուրճն էր ավելի,
Քան անաստուր գիշերվա մթնում,
Մտածում էր նա՝ սեր-լույս ծավալի
Մարդկային կյանքի մուրճն անաստում:
(с. 108)*

Но не будем считать данное отклонение серьезным недостатком перевода, потому что главная мысль оригинала – контраст желаний (или деяний, как в переводе) Бога с реальной действительностью. И это воссоздано Якобсоном:

¹⁸ Туманян Ов. Избранные произведения в трех томах, т. 1. Ер., «Айастан», 1969, с.42. Переводы Якобсона приводятся по данному изданию с указанием страниц.

*Думал... А в его воображеньи –
Лязг мечей и кровь – из рода в род,
Диких орд кромешное движенье,
Вдовый плач и жалобы сирот...*

(с. 49)

А в двух стихотворениях, объединенных общим названием: «Из псалмов скорби»¹⁹(1898), явственно заметны переживания, вызванные недавними событиями – массовой резней армян в Османской империи, учиненной в середине 90-х годов султаном Абдул Гамидом. И здесь уже вопросы поэта, обращенные к Богу, носят не общий, всечеловеческий характер, а порождены трагедией его народа:

*Когда, господь, ты нас от муки смертной
Избавишь?.. О резне проклятой весть
Пришла с толпой изгнанников несметных
Из края в край и ширится поднесь.
Восславят ли твое господне имя
Сироты, что в кровавой стонут мгле?
Довольны ли щедротами твоими
Отверженные на чужой земле?..*

(с. 69)

В переводах «Псалмов...» Якобсон верен подлиннику – не дословно, конечно, но и не нарушая явно, в ущерб художественности, интонационного, образного рисунка оригиналов в целом. Он воссоздает туманяновские строки, стараясь сохранить их суть, сжатость, выразительность. Вот строфа из перевода второго «псалма», где поэт говорит уже о своих личных страданиях от народного бедствия:

*Как сова на кладбище, мрачней,
Воробьем продрогшим коченею...
Я в тоске и в горе изнемог,
Ниспошли мне избавленья, бог!*

(с. 70)

Обратимся и к якобсоновским переводам стихотворений, написанных Туманяном уже в позднем возрасте, ближе к его 50-летию, – «В Кошакаре» (1917) и «Видение» (1918). Они примечательны тем, что, сохраняя в себе характерную для поэта эпичность (их можно пересказать), одновременно проникнуты и лиризмом – более заметным в первом стихотворении, посвященном дочери Ануш, и более скрытым, а потому и более пронзительным – во втором. В обоих стихотворениях проходит тема

¹⁹ У Туманяна – название «Տրտմութիւնի ստիգնայնէրից». «Տրտմութիւն» означает «печаль», «грусть». Вернее было бы в русском переводе название «Из псалмов печали».

воспоминаний, но по-разному. Начальная строфа стихотворения «В Кошакаре» (кстати, у Туманяна оно не озаглавлено; стихи были просто записаны им в альбом дочери) – это воспоминания о радостных и полных жизни годах юности, окрашенных светлой мечтой:

*Քոշարարու՛մ էս վազէլ էմ
Եղնիկի հետ,²⁰ էրազ, Անուշ,
Զսրուխտ սարու՛մ էրազէլ էմ
Չընաշխարհիկ էրազ, Անուշ:
(с. 296)*

А мечта – о том, чтобы везде царили любовь и добро, – увы, не сбывается, и поэт, уже на склоне лет чувствуя, что жизнь близится к концу, понимает, что не увидит этого.

Замечу еще, что стихи эти при жизни Туманяна не были опубликованы; они ведь и не предназначались им для печати. Впервые они появились в посмертном, 1929 года, издании произведений поэта²¹. Дело в том, что, если бы сам поэт решил их опубликовать, он, думается, доработал бы текст: скажем, изменил бы и 2-ю строку третьей строфы (слово «սիտեր» в лирике позднего Туманяна уже бросается в глаза):

*Ի՛մ սնուրազը շատ էր շքքէղ,
Չըրախտ սիտեր քաղաք ու գէղ,
Երզը հուեր հառաչքի տէղ,
Սէրն ու բարին՝ Սրազ, Անուշ:*

Итак, перед нами случай, когда оригинал не является совершенным в художественном отношении. Но это не должно чувствоваться в переводе. И не чувствуется в переводе Якобсона, потому что он, говоря его же словами (выше приведенными из статьи о переводах Шекспира), «приобщился к тому строю чувств, которым продиктовано оригинальное произведение», и воссоздал его естественно, сохранив тональность, настроение. Вот некоторые строфы перевода:

*В Кошакаре я бегал моей весной,
Как олень, быстроног, быстроглаз, Ануш,
На горе изумрудной сон неземной
Снился мне тогда каждый раз, Ануш.*

*...Не сбываются в жизни такие сны,
Чтобы счастливы были все и вольны,
Чтоб не стоны, а песни были слышны,
Чтоб любовь разлилась, как Араз, Ануш.*

²⁰ Считаю необходимым отметить, что в академическом издании Туманяна, по которому цитируются оригиналы, во второй строке отсутствует первая запятая, что вообще лишает строку смысла.

²¹ См. примечание к этому стихотворению в первом томе указанного издания, с. 638.

*Приходили люди с такой мечтой,
Уходили, слившись с ее тцетой,
Вот и я перед смертной стою чертой, –
Покидаю возлюбленных вас, Ануш.*

(с. 102)

Эти строки зажили своей самостоятельной жизнью, вызвали эмоции, даже ассоциации с образом и чувствами самого переводчика. Очень интересно приведенное А. Зарецким в комментариях к этому переводу письмо к А. Якобсону Юлия Даниэля, который, будучи в тюремном заключении, прочел в газете «Литературная Россия» от 19 сентября 1969 г. подборку переводов из Ов. Туманяна – к его 100-летию: «...Получил очередную «Лит. Россию». Как маслом по сердцу: «Переводы Анатолия Якобсона». Молодец, Тошка, переводы удачные, особенно первый, с риффом (Ануш); а предпоследнюю строфу («Не сбываются в жизни такие сны...») кто сочинил – Туманян или Якобсон?..» (с. 251).

Вершиной яacobсоновских переводов из Ов. Туманяна является, на мой взгляд, «Видение». В отличие от стихотворения «В Кошакаре», перед нами тот случай, когда сам оригинал – вершина. Приведу слова одного из выдающихся армянских поэтов Амо Сагияна: «В море мировой поэзии мое самое любимое стихотворение – «Видение». Все лучшие стихотворения являются для меня предисловиями к большим романам. У Туманяна же – наоборот... Это стихотворение является послесловием романа»²².

В «Видении» всего три строфы. Интересно, что воспоминания здесь переданы не в прошедшем времени (как в предыдущем стихотворении), а в настоящем, и только по последней строфе становится понятно, что это – воспоминания (они – о родном брате поэта Ростоме, который был убит крестьянами Лори в 1915 году). Когда читаешь стихотворение, поначалу создается спокойное, безмятежное настроение: читатель погружается в мир лорийских лесов и гор, где слышны голос брата поэта, лай собаки... Нарисованные Туманяном картины зримы, они чередуются одна за другой, как кадры фильма:

*Վեր է կացել էն սարու
Մեր Չալալը իր թնից.
Գրնու է սուր անտառու,
Քաջ ախպերը ետնից:
Զրնգու էն նրբանք խոր
էն անտառու կուսկան.
Ես կանչու էմ նորից նոր,
Ինձ թրվու է, թե կրգան...*

²² Сагиян А. Удивляюсь и теряюсь... «Гракан терт» (Литературная газета), 1989, 24 февраля, № 9 (на арм. яз.).

Но последняя строфа вдруг окрашивает предшествующие строки темным цветом глубокой горечи: то, что вспомнилось, ушло безвозвратно...

*Ձո՛ւր... վաղուց էն, ա՛յն, նրրանք
Մէր սարերից գրնացել.
Էն զի ձեներն էն սենակ
Բւ՛ աղանջուն՝ սրնացել...*

(с. 301)

Туманян со свойственным ему лаконизмом и удивительным умением многое недоговаривать, оставлять в подтексте, выразил в этих двенадцати строках то, что может почувствовать и пережить каждый человек. И здесь проявляется мастерство Якобсона-переводчика, сумевшего, не следуя рабски подлиннику, воссоздать без потерь, скупыми и точными средствами и саму его структуру, и настроение, и всю пронзительную глубину выраженных в нем чувств:

*Вон – та гора... Бежит мой брат,
А впереди на шаг
С веселым лаем, дружбе рад,
Бежит наш пес Чалак.
И голос брата вторит псу,
Как будто наяву:
Они недалеко в лесу,
Сейчас их позову...
Они давно за той стеной,
Где ни лесов, ни гор,
А голоса их – все со мной,
Со мной, с тех самых пор...*

(с. 105)

Своими переводами из Ованеса Туманяна Анатолий Якобсон вписал яркую страницу в историю «русской» жизни Поэта всех армян. Ну а публикация этих переводов к концу 2018 года в далекой дали от Армении, в книге, где имя Туманяна в соседстве с именами Петрарки, Лорки, Готье, Верлена и др. занимает свое достойное место, – это еще и неожиданный, драгоценный подарок к его 150-летию...

Ключевые слова: Якобсон, личность, правозащитник, эмиграция, Туманян, переводческие принципы, проникновение в оригинал, художественная адекватность

ՄԱԳՂԱ ՋԱՆՓՈԼԱԴՅԱՆ – Անատոլի Յակոբսոնի և Հովհաննես Թումանյանից նրա կատարած թարգմանությունների մասին – Հոդվածում ներկայացվում և բնութագրվում է Հովհ. Թումանյանի ռուսերեն թարգմանիչներից մեկի՝ Անատոլի Յակոբսոնի (1935-1978) կյանքն ու բազմակողմանի գործունեությունը: Իրավապաշտպան ակտիվ գործունեության համար հալածվելով՝ Յակոբսոնը ստիպված էր 1973 թ. արտագաղթել և հաստատվել Իսրայելում, ինչը և նրա ինքնասպանության պատճառ դարձավ: Բացահայտվում են Յակոբսոնի թարգմանչական սկզբունքները, տարբեր օրինակներով ցույց է տրվում, որ Թումանյանի բանաստեղծությունները թարգմանելիս նա կարողացել է նրբորեն վերստեղծել բնագրերի ոճական և գեղարվեստական առանձնահատկությունները:

Բանալի բառեր – *Յակոբսոն, անձնավորություն, իրավապաշտպան, արտագաղթ, Թումանյան, թարգմանչական սկզբունքներ, ներթափանցում բնագրի մեջ, գեղարվեստական համարժեքություն*

MAGDA JANPOLADYAN – About Anatoly Yakobson and His Translations of Hovhannes Tumanyan's Poems. – The article presents and describes the life and multilateral works of Anatoly Yakobson, one of Russian translators of Hovhannes Tumanyan's poems. The activity in the sphere of human rights forced him in 1973 to emigrate from homeland and settle in Israel, which in the future led to the suicide. The author of the article defines the principles of Yakobson as a translator and demonstrates by various examples that in his translations Yakobson delicately recreated stylistic and artistic peculiarities of the original texts.

Key words: *Yakobson, personality, human right activist, emigration, Tumanyan, translation principles, penetration into the original, artistic adequacy.*

Поступление: 30.01.2019, рец.: 07.02.2019, принято к печати: 04.04.2019